

Глава 31

Увидев, что муж вернулся в кухню, Чжао-гэр, сидевший у очага, негромко спросил:

— Гуай-цзай уснул?

— Угу, — отозвался Фан Цзычэнь, вид у него был какой-то рассеянный.

— Что-то не так?

— Да нет, просто думаю, как бы мне половчее проучить этого Ма Сяошуня. Нужно же выпустить пар за сына! — проворчал он с нескрываемой злостью.

— Его зовут Ма Сяошунь, — поправил его супруг.

Фан Цзычэнь лишь пренебрежительно фыркнул:

— Да какая разница, как его там величают — Благонравный или Сяошунь. Раз обидел моего сына, значит, имя ему одно — подонок.

— Оставь это, — вздохнул тот. — Это детские ссоры. Ты же не можешь ворваться к ним в дом и отлупить мальчишку так же, как Лю-паршивца.

— Да за кого ты меня принимаешь?! — возмутился юноша. — Я человек цивилизованный, добрый и совестливый. Никогда не подниму руку на стариков, женщин или детей.

Тот призадумался. В последнее время он и впрямь частенько пускал в ход кулаки.

— Ну, семейка Ма сама напросилась, а Лю-паршивец... — он замялся. — Мне показалось, что он тоже так и жаждет получить по шее.

Чжао-гэр опустил голову и едва слышно проговорил:

— Сегодня я выходил со двора и слышал, как соседки шептались... Говорят, ты перегнул палку.

Фан Цзычэнь нахмурился:

— Это в чем же я перегнул?

— Говорят, Лю-паршивец ведь ничего мне не сделал, а ты его так страшно отделал.

Хозяин дома чуть не расхохотался от возмущения.

— Ах вот как! Значит, мне нужно было подождать, пока он что-нибудь с тобой сделает, и только тогда бить? У него на тебя слюнки текли, и если бы я его не приструнил, то в один прекрасный день, когда меня не окажется рядом, он бы своего добился. И случись тебе потерять целомудрие, разве этих деревенских кумушек волновало бы, виноват ты или нет? Вспомни, как ты в воду упал... Кхм, когда я поцеловал тебя, пока ты был в беспамятстве. Они же, не разбирая дела, кричали, что тебя нужно в клетке для свиней утопить! А Лю-паршивец — мужчина, ему бы пару раз по лицу попало, и дело с концом. В итоге во всех бедах виноват был бы ты, а он — в выигрыше. Так что я просто действовал на опережение, и поделом ему.

— Ты... ты не жалеешь, что женился на мне? — внезапно спросил Чжао-гэр.

Хозяин дома мгновенно вспыхнул до корней волос:

— С чего это ты вдруг такие вопросы задаешь?!

Чжао-гэр пристально посмотрел на него.

Лицо этого человека было по-мальчишески дерзким и невероятно красивым. Обычно он улыбался так лучезарно, что на душе становилось тепло, но в драке превращался в настоящего сорвиголову.

— Просто хочу знать, — не отступал Чжао-гэр.

Фан Цзычэнь отвел взгляд.

Они были знакомы всего чуть больше месяца, но Чжао-гэр был так внимателен и нежен, что сопротивляться его очарованию было почти невозможно. Он был похож на паука, который сплел невидимую, но прочную сеть: стоило подойти ближе, и ты уже увяз в этой мягкой заботе без возможности вырваться.

Сейчас Чжао-гэр, такой домашний и трогательный, с раскрасневшимися щеками ждал ответа... Выдержать это было выше человеческих сил.

Фан Цзычэнь шумно сглотнул и мотнул головой:

— Не жалею.

— Тогда...

— Ой, всё, не спрашивай больше! — он резко вскочил, его уши пылали. — Я уже называю тебя своим супругом, какие еще, к лешему, сожаления?!

Бросив на ходу «пойду на сына посмотрю», он пулей вылетел из кухни. Чжао-гэр не выдержал и тихонько рассмеялся.

***

Фан Цзычэнь заглянул в комнату. Гуай-цзай всё еще спал, на лбу у него выступили капельки пота. Отец осторожно вытер их. Малыш пошевелил губами и приоткрыл глаза. Спросонья, узнав отца, он тут же жалобно позвал:

— Отец...

Фан Цзычэнь не удержался и чмокнул его в пухлую щечку:

— Спи еще, маленький.

Найдя в комнате кошель, он отсчитал двадцать монет и направился к дому старосты. По дороге он специально сделал крюк, чтобы пройти мимо ворот семьи Ма. Ма Эрчжу, прознав, что его сын поколотил Гуай-цзая, от страха едва не лишился чувств. Он спрятал Ма Сяошуня в доме, а сам присел у порога, неся вахту.

Завидев издали приближающегося Фан Цзычэня, тот в панике бросился во двор и наглухо запер ворота.

— Муженек... — у госпожи Ли подкашивались ноги. — Это Фан Цзычэнь пришел?

Ма Эрчжу лишь судорожно кивнул.

Третий брат Ма окинул их гневным взглядом:

— Я же говорил в прошлый раз: не связывайтесь с ним! Не лезьте на рожон! Если вашему Сяошуню жизнь недорога, то нас-то зачем подставлять?!

— Брат, ну что ты такое говоришь! — с обидой отозвался тот. — Сяошунь еще совсем ребенок, что он понимает?

— В общем, я умываю руки, — Третий брат Ма поспешил скрыться в своей комнате. — Сами

кашу заварили, сами и расхлебывайте. Если он придет бить морды — пусть бьет вас, нас только не впутывайте.

Ма Эрчжу с надеждой посмотрел на Ма Дачжуана, но тот промолчал, явно разделяя позицию младшего брата.

— Старший брат! — взмолился Эрчжу. — Сяошунь ведь зовет тебя дядей! Ты не можешь бросить нас в беде!

— Помочь? И как я помогу? Тебе прошлого раза мало было? — Ма Дачжуан нахмурился и прильнул к щели в воротах.

В этот самый момент Фан Цзычэнь поравнялся с их домом. Словно почувствовав на себе взгляд, он замедлил шаг, обернулся к запертым воротам и, криво усмехнувшись, медленно провел ребром ладони по горлу.

У Ма Дачжуана волосы на затылке встали дыбом, он даже дышать побоялся.

— Отец? — позвал Ма Вэнь.

— Иди... иди в комнату! — отец схватил сына за руку и потащил вглубь дома.

Однако Фан Цзычэнь не стал выламывать дверь. Он прошел мимо, будто и впрямь просто прогуливался. Семейство Ма еще долго сидело ни живое ни мертвое, и только когда они убедились, что незваный гость скрылся из виду, осмелились перевести дух.

Он купил у старосты десяток яиц, проведаль старика, перекинулся с ним парой слов и только тогда повернул к дому.

Гуай-цзай уже проснулся и был на кухне. Услышав шаги во дворе, он топоча выбежал навстречу. Фан Цзычэнь тут же почувствовал, как маленькие ручонки обхватили его за ногу.

— Отец, ты где был?

— За яйцами для тебя ходил, — он качнул корзинкой и присел перед сыном. — Ручка еще болит?

Конечно, болела. Малыш протянул ладошку к его губам:

— Отец, подуй... Подуй, и тогда болеть не будет.

— Хорошо, сейчас папа на тебя целебным духом подует.

Вечером Чжао-гэр, послушав мужа, приготовил для Гуай-цзая нежный яичный крем. В деревне это блюдо не считалось диковинкой, но ели его редко. Только если в доме были дети, им раз в пару недель могли приготовить такую чашку. Гуай-цзай, почуяв аромат, вытянул шею, сидя на руках у отца, и спросил папу:

— Папа, пахнет вкусно... Что это?

— Это яичный крем, — ответил Чжао-гэр.

— Я знаю! — обрадовался малыш. — Я видел, как Ма Сяошунь такой ел. Пахнет очень-очень вкусно!

Фан Цзычэнь легонько ущипнул его за щеку:

— А сам ты его пробовал?

Личико Гуай-цзая помрачнело, он покачал головой:

— Нет. Они мне не давали... И папе тоже не давали.

Фан Цзычэнь поцеловал его в макушку:

— Бедный мой сынок... Ничего, отец заработает много денег и будет покупать тебе столько яиц, сколько захочешь, идет?

— Да! — Гуай-цзай снова просиял и, прижавшись к его шее, ласково зашептал: — Сварим вкусное-вкусное... И отец будет кушать, и папа, и я.

Фан Цзычэня захлестнула волна отцовской нежности. Весь вечер он не выпускал Гуай-цзая из рук: сам кормил его кремом, сам взялся мыть ему ножки — словом, стал образцовым родителем.

Чжао-гэр всё это время только и слышал: «Отец самый лучший», «Отец молодец», «Сокровище мое», «Малыш мой золотой»... Эта сладкая возня продолжалась до самой полуночи, пока тот уже не начал в шутку ворчать.

Перед сном Фан Цзычэнь, легонько похлопывая Гуай-цзая по груди, пообещал:

— Спи. Завтра утром отец отведет тебя к ним, и мы им всем покажем, кто здесь главный.

Малыш послушно кивнул и, ухватившись одной ручонкой за палец отца, а другой за руку папы, крепко заснул.

Фан Цзычэнь долго смотрел на него, а потом вдруг негромко произнес:

— Знаешь, Чжао-гэр... А ведь он на тебя совсем не похож.

<http://bllate.org/book/15357/1422527>